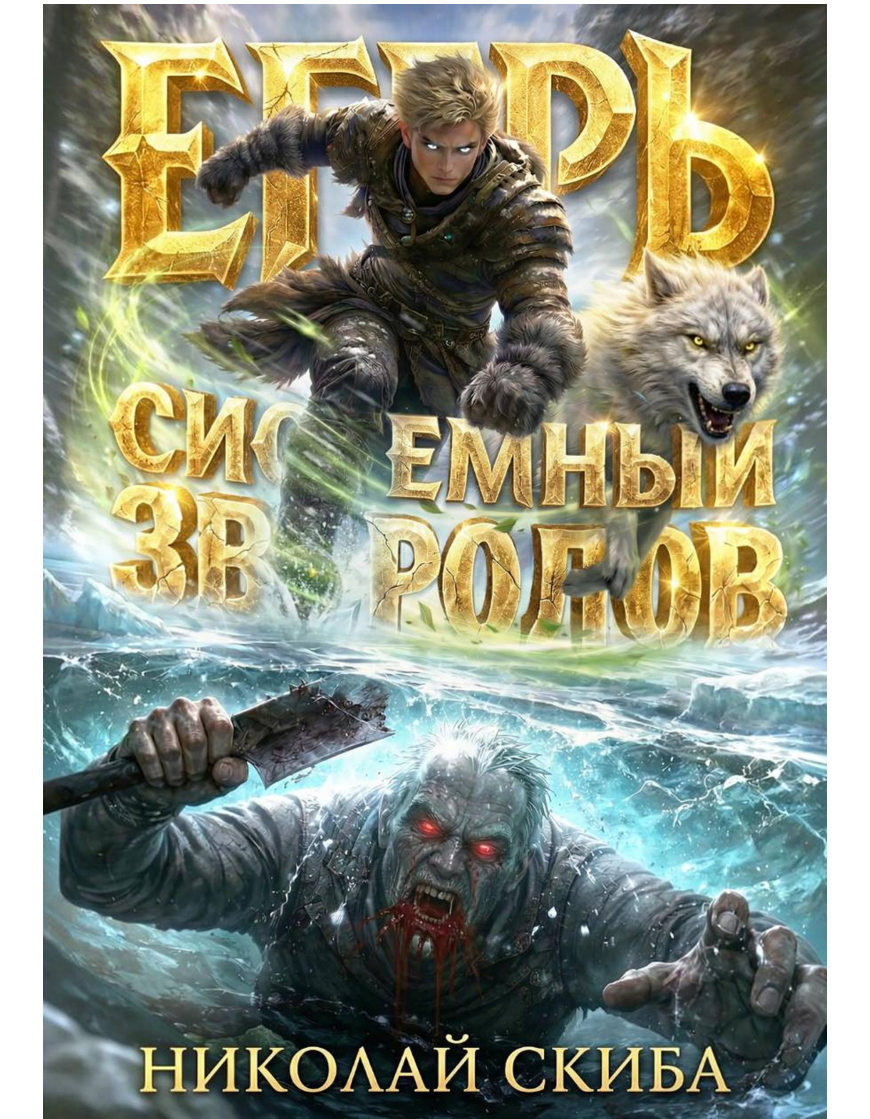

A movie poster for the film 'Egor'. The top half features a young man with blonde hair, wearing fur-trimmed armor, in a dynamic pose. To his right is a grey wolf with glowing yellow eyes. The background is a swirling, ethereal blue and green. The title 'ЕГОРЬ' is written in large, golden, 3D block letters at the top.

ЕГОРЬ

СИСТЕМНЫМ
ЗВЕРЬЯМ

НИКОЛАЙ СКИБА

Николай Скиба

Егерь. Звери и люди. Книга 11

<https://litres.ru/74578527>

SelfPub; 2026

Аннотация

Воздух пахнет хвоей, вокруг - июльская тайга. Я егерь, знающий её как свои пять пальцев, иду на кабана. А потом, бац выстрел и темнота. Очнулся, а мне семнадцать лет. И зовут теперь Максом. И вот я в слабом теле этого больного парнишки, которого местные сторонятся. На моих руках - красные татуировки зверолова. Мне нужно поймать своего первого питомца, выжить и помочь семье. Освоиться в этом сумасшедшем мире. В мире, где люди прячутся за шаткими стенами, борясь за выживание, а леса полны магических тварей. Я научусь быть Звероловом и использую все свои знания. С моим опытом и «Звериным Кодексом» это не составит труда. Потому что лес - он везде одинаковый, его просто нужно читать. А это я умею лучше всего.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	42
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Николай Скиба

Егеръ. Звери и люди. Книга 11

Глава 1

Костегрыз лежал в норе под мёртвым белым деревом. Живой чуял его за двадцать шагов.

Я остановился на краю поляны и положил руку на загривок волка. Через связь пришёл чёткий мыслеобраз — уже без прежней щенячьей путаницы. В холодной земле пряталось тёплое тело — от него тянуло старой кровью и опасностью.

Живой смотрел на нору и ждал команды.

За месяц волк изменился. Ещё не взрослый — лапы хоть и крупные, а вот тело не до конца догнало. Он всё так же нескладно двигался, как подросток, но всё равно уже не щенок. Серая шерсть потемнела и загустела, жёсткий плотный ворс лёг по хребту вместо щенячьего пуха. Кровавое пятно исчезло. Морда вытянулась. Зубы окрепли. Охотничья сосредоточенность заменила суету — Живой больше не тыкался носом во всё подряд, не путался под ногами и не скулил от каждого шороха. Шёл рядом молча, как напарник.

Десятый уровень — я был уверен в этом, потому что он

сам дал мне это понять.

По-другому узнать это было невозможно.

Системы не было уже месяц.

Спектр ворочался где-то за серебряной стеной внутри — я заглядывал в ядро. Смотрел на эту стену и чувствовал далёкое тепло, но пробиться не мог. Элитный Убийца чащи рискнул, побывав в нашем мире, и теперь восстанавливался.

Он давал мне силы, но перестал общаться.

За эти полтора года я привык к интерфейсу: уровни зверей, подсказки навыков, цифры опыта. Теперь вместо всего этого — чутьё и собственный опыт. Остались лишь ощущения через связь, что зверь изменился, стал сильнее и перешёл невидимую черту.

Честно? Это раздражало. Пятьдесят лет жил без системы, и всего полтора — с ней, а отвыкать оказалось сложнее, чем привыкать! Как ходить без палки, к которой привык, хотя ноги здоровые.

Грёбанный костыль.

Я огляделся.

Лес за границей ареала заметно изменился. Белые костяные стволы покрылись бурой корой на треть, и кое-где из-под неё проклёвывались первые почки. Ржавый мох почти везде сменился грязно-зелёным, опавшие нити лежали на земле сухой трухой, похожей на старую паутину. Зона медленно отходила от заразы. Как подранок после зимы — не ожил ещё, но уже не умирал.

Твари никуда не делись. Просто отступили дальше от арёала, потому что скопление стихийной силы вокруг Древа Жизни давило на них, как и татуировки Звероловов, которых в деревне было достаточно. Но здесь, в двух часах пути от границы, зона по-прежнему принадлежала им.

Поляна перед нами выглядела как разделочный стол мясника. Вокруг мёртвого белого дерева валялись пустые оленьи и лисьи шкуры. Скелеты, обглоданные дочиста, белели среди грязно-зелёного мха. Кости были раздроблены — кто-то выедал костный мозг.

Под корнями дерева зияла нора, обложенная костями. Тварь использовала останки добычи для укрепления стен.

Я выбрал правильное место: поляна открытая, нора одна, отходов у твари два — и оба у меня на виду. Если костегрыз вцепится как надо, Старик мгновенно выйдет. Риск был просчитан. Не до конца, но достаточно.

Присел на корточки и посмотрел на волчонка. Он дрожал от нетерпения, но держался — ждал. Месяц назад сорвался бы без команды.

— Твой бой, — тихо сказал я Живому и убрал руку с загривка.

Волк рванул вперёд.

Костегрыз вылетел из норы, как пружина.

Тварь была размером с крупного волка — без шерсти, с серой морщинистой кожей, больше похожая на барсука-переростка, которого ободрали и забыли выбросить.

Удлинённая морда заканчивалась жёлтыми зубами, заточенными под кость. Злые глаза блестели в полутьме. Приземистое тело сидело на коротких мощных лапах с толстыми когтями, созданными для рытья.

Запах старой крови ударил даже с расстояния.

Костегрыз защищал территорию. Бросился на Живого без рычания. Совершил короткий злобный рывок. Живой увернулся, отскочил вбок, и два зверя закружились на поляне среди разбросанных костей.

Я стоял в пяти шагах с ножом на поясе. Карц и Старик сидели в ядре, готовые выйти по первому слову. Это был бой Живого, его добыча и его рубеж.

Волк атаковал — укусил и тут же отскочил. Быстрый. Злой, как чёрт.

Костегрыз двигался медленнее, но весил тяжелее и дрался ещё злее. Челюсти, которые дробили кости оленей, могли перекусить лапу волка за один укус.

Живой кружил, примерялся и искал момент. Мои тренировки работали — не лезь в лоб, не подставляй бок. Жди, пока враг ошибётся. Но его инстинкты и сами работали как нужно.

Костегрыз ошибся — бросился слишком широко, промахнулся мордой и раскрыл бок. Живой ударил в плечо, сбивая разворот, а уже на следующем движении ушёл ниже, под челюсть. Зубы сомкнулись там, где шкура тоньше. Волк повис всем весом, упёрся лапами в землю и начал тянуть вниз.

Тварь взревела и крутанулась. Короткая задняя лапа мелькнула, когти прошли по боку Живого — неглубоко, но яркая кровь выступила сразу.

Я стиснул зубы. Пальцы сжались на рукояти ножа. Сквозь меня прошла жгучая боль, но я подавил желание бросить всё и помочь зверю. Хоть оно и прошло меня от позвоночника до кулаков.

Я не вмешался.

Живой тоже стиснул зубы — буквально. Хватка не ослабла. Волк рычал сквозь сжатые челюсти и тянул вниз всем весом молодого тела. Костегрыз упирался, бил лапами, но тщетно. Кровь волчонка капала на белые кости вокруг норы.

Через минуту костегрыз осел на передние лапы. Задние подогнулись. Живой перехватил хватку ближе к горлу и сжал.

Тварь захрипела, дёрнулась и затихла.

Живой стоял над телом и тяжело дышал.

Я подошёл, присел рядом и достал нож. Вскрыл грудную клетку костегрыза двумя точными движениями — рёбра у твари оказались толстыми, но хрупкими. Добрался до тёмного сердца, которое всё ещё подрагивало в последних судорогах. Вырезал и положил перед Живым на траву.

Он посмотрел на сердце.

— Давай. Без возни, — я кивнул, положил руку на голову и закрыл глаза.

Живой жадно сожрал сердце в три глотка — даже не жвал. Давился горячей кровью, которая потекла по морде и закапала на мох. Проглотил, облизнулся и замер.

Я чувствовал ядро — маленький тёплый шар где-то в глубине зверя, который начал расширяться и вбирать в себя энергию. Никаких цифр — просто ощущение, что зверь переступает невидимую черту.

Провести эволюцию было очень легко. Связь на таком этапе развития позволяла даже не напрягаться, но гарантировано перевести волчонка на Гранг.

Красавчик выбрался из-за пазухи, посмотрел на Живого, фыркнул и залез обратно. Горностаю эволюции были неинтересны.

Я убрал руку. Готово.

Живой открыл глаза. Кхм, они стали янтарные. Интересно.

Волк встал, встряхнулся и поднял голову к небу, открыв пасть.

И заревел.

Звук не походил ни на вой, ни на рык. Это было что-то, совсем не похожее на волка. Нечто утробное, идущее прямо из самого нутра зверя.

Воздух вокруг нас чуть вздрогнул. Мелкие звери в подлеске бросились врассыпную. Красавчик пискнул.

Рёв длился три секунды. Потом Живой закрыл пасть и уверенно посмотрел на меня. Будто сам не понимал, что

только что сделал.

— Молчит, зараза... Навык у тебя новый, приятель. Понять бы, что делает этот рёв.

Без системы я не знал механики и не мог прочесть характеристики. Более того — не мог их прокачать. Моя стая замерла в развитии характеристик. Всё, что оставалось — это эволюция. Чувствовал только одно — рёв Живого был на что-то направлен.

Но я был уверен, что Спектр вернётся.

— Ну что ж... — тихо сказал я и погладил волка по новой густой шерсти. — Надеюсь, вскоре всё станет понятнее.

Живой тряхнул головой и развернулся в сторону дома.

Мы вернулись к ареалу через два часа. У границы зелёной травы стояла суета.

Как раз вовремя. Сегодня переселялась последняя группа Жнецов.

Григор стоял на краю поляны и смотрел в сторону леса, откуда привёл людей. За его спиной десять мужчин и женщин с мешками, инструментами, двое с детьми на руках.

Я подошёл. Отшельник кивнул мне.

— Всё. Пусто.

Всего два слова. Теперь в том убежище остались лишь остывшие очаги и тишина. Григор смотрел в сторону леса ещё несколько секунд — будто прощался с тем, что осталось за деревьями. Потом повернулся к поляне и пошёл помогать с разгрузкой.

Я не стал его задерживать.

Живой тут же принялся обнюхивать новоприбывших — каждого по очереди. Дети смотрели на волка круглыми глазами, матери прижимали их к себе. Волк не обращал внимания — знакомился. «Чувство сокрытого» ничего не показало.

За месяц наша деревня стала другой.

Когда мы ставили первые срубы, поляна выглядела как временный лагерь. Теперь появились тропинки, утопанные десятками ног за тридцать дней. Кто-то из Жнецов вкопал колышки и натянул верёвки для сушки белья. У второго сруба стояла лавка из расколотого бревна — просто бревно на двух чурбаках, но на нём сидел старик-Жнец и чинил сапог. Рядом лежала трубка, и дымок вился в тёплом воздухе — старику было плевать на стройку вокруг. Человек обживал место.

Пятый сруб рос у южной границы ареала. Дамир командовал стройкой, каменный бобр обтёсывал брёвна. Четвёртый уже стоял под крышей — внутри кто-то повесил занавеску из мешковины. Некрасивую и криво сшитую. Она делила пространство на две комнаты.

Крот докопал второй колодец на северной стороне. Воды хватало на тридцать человек с запасом. Несколько недель назад ткацкий паук сплёл рыболовную сеть. Дамир повесил её на ручье за границей ареала — утром в ней билась рыба, и Ирма перестала ворчать про мясо. Бобр, когда не грыз брёв-

на для стройки, построил запруду ниже по течению. Маленький пруд уже зарастал осокой.

Зелёная рожь на грядках Ирмы поднялась по колено — жирная и жадная до чернозёма под Древом. Арктическая мята вымахала в полный рост и воняла на всю поляну. Бабка не унималась — выкопала второй огород. Морковь, репа, ещё какая-то дрянь, которую я даже не опознал. Разрешения у меня она не спрашивала. Копала и сажала. Горе тому, кто наступит.

Мальчишки Жнецов — трое сопляков лет шести — гоняли палкой каменного ворчуна, который выполз из пруда погреться. Да, его я тоже эволюционировал. Камешек теперь умел ползать. Мальчишки визжали и тыкали в него палкой. Ворчун сидел и фильтровал воду. Мальчишки показывали языки. Ворчун фильтровал воду. Кто-то заорал рядом. Ворчун фильтровал воду. Бесполезно — этой твари было наплевать на всё, кроме воды.

Мирана стояла у Древа и объясняла двум Жнецам, где порода идёт легче. Месяц назад она разговаривала только со Стёпкой и со мной. Теперь к ней ходили с вопросами, и она отвечала — коротко, без улыбок, но отвечала. Грань позволяла детям трогать себя за хвост. Месяц назад рычала на любого ближе трёх шагов.

Наступили перемены.

Афина лежала в тени Древа и не шевелилась. Бок округлился так, что даже я заметил разницу с прошлой неделей.

Тигрица забила на охоту окончательно — жрала, спала, снова жрала. Ирма щупала ей бока каждое утро и бубнила «со дня на день», но я подозревал, что бабка сама не знала точно когда.

На стене первого сруба висели связки вяленой рыбы и пучки трав. Запасы на зиму. О зиме никто не заговаривал вслух, но все к ней готовились. У кухни выросла крытая поленица — Стёпка сложил, бревно к бревну. Рядом верстак, который Дамир сколотил из обрезков, а на нём — рубанок, стамеска, свёрла.

Теперь нас больше тридцати человек. И кормить всех надо каждый день. Рожь ещё хрен знает когда созреет. Рыба спасает, но зимой на одной рыбе подохнем. Нужна солонина. Нужны шкуры, а то в срубах уже сейчас по утрам зубы стучат. Сколько до холодов? Месяца два. Может, один — я не знал как обстоят дела с погодой именно в этом месте, особенно после закрытия Раскола.

В тайге было понятнее.

Ладно, мясо. Майра говорила про оленей на южной тропе, как раз скоро с дозора вернётся и расскажет.

Если Дамира отправить туда с волком, дать своих зверей в придачу, то за неделю можно набить запас. Засолить в бочках.

Скоро должен был приплыть Хорст. Барут прислал весточку, что дела у него идут хорошо, обещал порадовать.

Я выдохнул и пошёл вперёд.

Раннер даже не взглянул на меня. Сидел на валуне и строгал палку ножом. Карту он дорисовал на прошлой неделе — бумажный лист висел на стене третьего сруба, весь в пометках. Делать гладиатору было нечего, и он строгал. Инферно лежал рядом и тихо ворчал на одной ноте. Раннер строгал, а Инферно грустил. Каждый день — одно и то же. Но духом оба не падали.

Ника сидела у костра с двумя женщинами из второй группы. Учила перевязывать раны узлы и повязки по методу Ирмы. Женщины кивали. Шовчик лежал у ног, и одна из женщин протянула руку и погладила. Пёс не дёрнулся. Раньше не подпускал никого кроме Ники. Теперь — терпел. Может, привыкал.

Актриса частенько поглядывала на запад, вспоминая Режиссёра. От неё тянуло тоской и упрямством, поэтому я старался не лезть к ней. Она ходила на охоту, выполняла все свои функции. Нет, мы поговорили несколько раз, но она чётко дала понять — не лезь. Всё бесполезно — рысь ждала брата, и никакие слова тут не помогут.

Майра вернулась с утреннего дозора. Сокол спикировал с неба и сел на жердь у третьего сруба. Она подошла ко мне и улыбнулась.

— Привет, Макс! Периметр чист, крупных тварей ближе пяти километров нет, на юге обнаружены свежие оленьи следы. Чудо, что он вообще тут водится.

Она посмотрела на меня чуть дольше, чем нужно для до-

клада про оленей.

— Спасибо, Майра, — ровно сказал я и пошёл дальше.

Стёпа тащил бревно к пятому срубу вместе с кряжистым Жнецом. Оба ругались на вьючного лося, который опять встал посреди тропы и не двигался. Сложилось впечатление, что у зверюги такой фетиш. Раз в неделю он стабильно вот так капризничал. Ни пинки, ни уговоры, ни мат не помогали — лось стоял и жевал траву с лицом существа, которому все вокруг глубоко безразличны.

Мирана подошла, положила руку ему на морду и что-то шепнула. Лось вздохнул, как будто ему объяснили на его языке что-то обидное, и сдвинулся. Стёпа взглянул на девушку и улыбнулся. На лице копейщика была написана благодарная улыбка, но я-то видел, что дело в другом.

Просто балбес Стёпка ещё сам ничего не понял. А вот Мирана отвернулась.

Вечером Лана нашла меня у костра. Пантера пришла с мотком верёвки на плече и села рядом, прижавшись бедром. Как-то мы к этому привыкли, хоть и было странно. Мы могли сидеть рядом и молчать, и это было нормально. Впервые не неслись куда-то галопом. Хорошая привычка.

— На южной тропе новый след появился, — сказала Лана. — Четыре пальца, отпечаток глубокий, шаг может метра полтора.

— Далеко?

— Километра четыре. Бойтся, к нам не суётся.

— Да, плотность изменилась, — я кивнул.

Когда ареал расширится ещё на километр придётся что-то решать. Из-за изменений Древа Жизни, твари потеснились, а какие-то может и тянулись ближе. Неосознанно.

Мы просидели здесь целый месяц. Я занимался строительством, обучение жнецов и стаи. Волк быстро рос, пузо Афины тоже — судя по всему, у стихийных зверей беременность проходила быстрее. Обычные сто дней превратились в тридцать.

А генералы Сухих улетели, и мы до сих пор не получили ни одной весточки, хоть и собирали слухи со всех королевств. Насколько могли. Мы искали любые проявления чего-то сверхъестественного, но это было сложно.

Теперь, когда закрытие Раскола стало сенсацией, политики заворошились, и нам стало ещё сложнее действовать. Так что эти четверо ублюдков сидят в людях, и каждый из них сеет семена. Чёрт, да они это делали, даже когда улетали из Раскола.

Альфа Огня объяснял — споры цепляются к слабым, к тем кто боится. Они гиперболизируют страхи. Люди могут и сами ничего не знать. Ещё через месяц из семени пробуждается какая-то тварь, какая — никто не знает. Любая.

А ещё через год генерал уже сам сеет. И пошло-поехало.

Я отправил всего пятерых разведчиков собирать слухи. Пятерых, мать его, на целый континент. Они старались, но

куда там. Сухие затаились.

Нужно больше людей. Сильно больше. Камнеречье, столица, Драконий Камень, куча деревень в округе. Прилива больше нет, торговых караванов всё больше. Кто знает, в какой глуши сейчас сидит генерал. Везде нужны свои глаза и уши. А у меня столько нет. Выходить на Алариха? Мы думали об этом, но идти нужно было с чем-то. Ещё лучше — поговорить с Драконоборцем. Когда сам не знаешь, что конкретно делать, тяжело быть убедительным.

Поэтому мы ждали любой весточки.

Живой лежал у моих ног. Вроде спокойный, однако нос не переставал работать. После эволюции зверь будто заново учился смотреть на мир.

Лана замолчала, но напряглась, потому что Живой вдруг резко поднял голову.

Он посмотрел в сторону дальнего края деревни, где за последним срубом стоял приземистый сарай. Лёг обратно.

Через минуту он повторил движение. Всё смотрел на сарай — его загрибок медленно поднимался. Шерсть вставала дыбом.

— Что это с ним? — Лана приподняла голову.

— Чёрт знает. Сегодня парень чуть подрост. Новые ощущения. Привыкает, наверное.

Я соврал — не привыкал он. Живой чуял что-то конкретное. Там, у сарая.

Убрал руку и встал.

— Макс?

— Посиди. Сейчас вернусь.

Пошёл к сараю. Живой рванул следом, как будто весь вечер ждал, когда я наконец догадаюсь. Что за бред? Сарай же всегда был пуст, но если мой волк Жизни реагирует, нужно проверить.

Я прошёл мимо людей, которые расходились по домам. Никто не обернулся — мало ли куда вожак идёт вечером.

За дверью кто-то дышал.

Живой уже откровенно рычал. Шерсть стояла дыбом от загровка до хвоста, губы задрались, клыки выступили наружу.

Я подошёл к двери и положил руку на засов. Оглянулся — дети смеялись у колодца, Ирма гремела котлом. Никто сюда не смотрит.

Сдвинул засов и резко распахнул дверь.

Из сарая ударило застарелым потом.

В глубине блестели человеческие глаза. Кто-то сидел у дальней стены на соломе — тихо звякнули цепи.

Я стоял в дверном проёме с ножом в руке.

Челюсть сжалась. Кулаки тоже.

Я знал этого человека.

Вытащил его за шиворот прямо на поляну. Весил он как мешок с костями. Бросил на траву и отступил на шаг.

Человек щурился и моргал. Грязная борода отросла до груди. Одежда висела лохмотьями. Запястья были стёрты це-

пиями до розовой кожи. Лицо осунулось, постарело лет на десять.

Под глазами залегла чернота.

Я смотрел на него и почти не узнавал.

Моран.

Сначала я тупо удивился. Потом до меня дошло — этот ублюдок только что попал в деревню, с последними переселенцами. И Григор утаил это от меня?!

Бывший друид поднял на меня выцветшие глаза. Как у рыбы на прилавке.

— Что ты смотришь? Посмотри на себя, ты жалок, ублюдок.

Я сплюнул на землю. Мне было глубоко плевать на него.

Швырнул его обратно, захлопнул дверь сарая, задвинул засов и пошёл искать Григора. Живой трусил рядом и всё ещё тихо рычал.

— Да уж понятно теперь, на кого ты рычал, дружище. И как только почувал, — я потрепал его по загривку.

Григор стоял у пятого сруба и разговаривал с двумя Жнецами. Но едва увидел моё лицо как тут же кивнул собеседникам. Они тоже его увидели — по выражению догадались, что всё непросто.

— Пойдём-ка, — сказал я. — Поговорим.

Мы отошли к куче брёвен. Я остановился и повернулся к Григору.

— Какого чёрта Моран в моей деревне?

Григор спокойно стоял и смотрел на меня сверху вниз. Больше двух метров ростом — как ему ещё смотреть.

— Это и моя деревня, Макс. Его привели сегодня. Я посадил на цепь, в чём проблема?

— Ты говорил не так, — сказал я. — Говорил, что он заплатит.

Отшельник тяжело вздохнул:

— Макс... Я собирался сказать тебе завтра. Я не могу...

— Не можешь?

Григор стиснул челюсть.

— Макс. Я знаю этого человека. Того, кем он был до Сайрака. Мальчишку из нашей деревни. Он заслуживает шанса.

— Ага, — я хмыкнул, но потом помолчал несколько секунд.

Чёрт... Ну вот и как объяснить, что я не доверяю Морану? И никогда не буду доверять.

Положил руку Григору на плечо.

— Послушай, я понимаю, что он уже не друид. Но вспомни, что он делал. Им ведь не управляли, он на всё шёл сам.

— Он просто потерянная душа. Ты видел его? От человека ничего не осталось. Это другой Моран!

— Ну да, тот, которого ты знал в детстве, да? Тебе сколько лет, Григор? Люди не меняются. Дай ему шанс — он использует его против тебя.

— Люди меняются и в обратную сторону!

Раньше мы всегда спорили по мелочи — кого куда рас-

селить, сколько дозорных ставить на ночь. Ерунда была, рабочие вопросы. Рыба, мясо, патрули... А тут оба понимали — это совсем другой разговор. Он верил, что Моран может стать нормальным. А я почему-то был уверен в обратном. Переживал за детей, которые бегали по деревне. Да даже за будущих тигрят Афины.

— Пойдём, — сказал Григор тихо. — Докажу тебе.

Я вскинул брови, выдохнул и покачал головой. Вот ведь упрямый...

Мы пошли к сараю. Живой трусил следом.

Григор открыл дверь и подошёл к Морану. Тот поднял голову.

В этот момент Живой подошёл ближе и зарычал на Григора.

— Эй, тише, — жестко скомандовал я, и волчонок послушно замолчал.

В этот момент из-за спины раздались шаги - к сараю подошла Ирма. Она остановилась, цыкнули и покачала головой.

— Этот ублюдок всё ещё жив, — сказала старуха ровным голосом.

Григор промолчал.

Бабка постояла секунду, потом развернулась и ушла к лаварету.

Я зашёл в сарай и присел перед Мораном на корточки.

— Зачем ты здесь?

— Некуда мне идти. Все мертвы. Всё, чему я служил —

мертво. Григор сказал, что здесь можно остаться, — голос звучал хрипло — похоже, за столько времени почти не разговаривал.

Он облизнул сухие губы.

— Я не прошу прощения. Просто стену и крышу.

Я молча встал и вышел, закрывая дверь.

И что с ним делать? Убить? Так Григор не простит, а мне нужен Григор. Вечно держать в сарае бессмысленно, он жрёт припасы. Выпустить и дать работу? Я бы скорее костегрыза выпустил в курятник.

Так, спокойно. Утро вечера мудренее, дров бы не наломать.

— Мы решим всё завтра, — холодно сказал я великану. Тот кивнул.

Вечером деревня всё ещё жила полной жизнью. Последнюю группу расселяли по срубам, делили место, тащили мешки, спорили кто где ляжет. Обычная суeta — мы учились жить вместе.

Стёпа резал мясо у кухни. Мирана стояла рядом и подавала воду. Смотрела, как копейщик кромсает оленину, и морщилась.

— Криво режешь, — сказала она.

— Нормально режу.

— Криво. Волокна наискось идут. Потом жевать невозможно будет.

— Вот и проверим! — Стёпка улыбнулся.

Я прошёл мимо.

У костра сидели Раннер с Никой. Гладиатор что-то спокойно говорил ей — правильные слова в правильном порядке. Всё было как надо — и жесты на месте, и голос ровный. Те, кто ничего не знал, никогда бы не поняли, в чём дело. Почему Ника стиснула зубы и молчит.

Инферно лежал рядом и грустно ворчал. Лев нёс то, что хозяин чувствовать не мог.

Ситуация была хреновая. Раннер делал всё правильно. И именно от этого Нике было хуже всего.

Лана ждала меня в шалаше. Легла на бок, подперев голову рукой. Я завалился рядом и рассказал ей про Морана.

— Григор притащил его вместе с группой.

— Макс, он верит, что Моран изменился. Что можно вернуть его.

— Да? А ты веришь?

— При чём здесь я? Сам реши, насколько ты доверяешь Григору. Я вот доверяю. Послушай, он просто видит своего бывшего друга, и ему жалко. Друид, который стоял рядом с Сайраком — это другой человек. Один давно сдох, а второй сидит в сарае. Ты же сам знаешь, какой на самом деле добряк Григор. Чему удивляешься?

— Ладно... Завтра решим.

Она замолчала и положила руку мне на грудь. Больше ничего не сказала.

Живой лежал у входа в шалаш.

Я наблюдал за ним и размышлял в темноте. О том, как вычислить генералов Сухих среди обычных людей. И как нам найти след, который не оставляет следов? Даже если мы обнаружим странности в каком-то городе, как конкретно найти одного человека? В том же Драконьем Камне?

Потом мысли перетекли на деревню. Её нужно укреплять — выкопать рвы, тренировать дозорных. Хорошо, хоть Звероловы есть. И к зиме готовиться нужно, а каждый ушедший в лес отряд — ослабление деревни.

Мысли крутились, и в конце концов, усталость оказалась сильнее.

Я Заснул.

Проснулся от громкого рычания. Звук шёл откуда-то снаружи — рычал волк Тени Дамира. Это было серьёзное предупреждение взрослого зверя.

Живой уже стоял у входа. Шерсть на загривке уже в который раз за день встала дыбом, превращая его силуэт в колющий шар. Нос раздувался, втягивая запахи ночи.

Из-за стены сарая доносился неприятный скрежет. Мерзкий, режущий слух звук.

ХРУСТ!

Я услышал что-то, чего там быть не могло. Звук ломающейся кости.

Но в сарае не было костей.

Там был только Моран.

Я мгновенно вскочил.

Глава 2

Холодная трава кольнула босые ступни.

Я уже держал в руке нож, обёрнутый белым пламенем Карца.

Рыжий свет плясал шага на три вперёд, дальше начиналась крошечная чернота. Где-то впереди всё ещё надрывался волк Дамира.

Я побежал. На сапоги времени не было.

Если волк так орёт, беда уже внутри периметра.

Мать твою, что случилось? Кто-то убил Морана? Григор? Он вырвался и убежал? Нет, звук походил на что-то, от чего у простых людей сердце уходит в пятки.

Живой мчался к сараю вместе со мной. Я видел только мелькание его хвоста в пламени ножа.

У стены сарая творилось что-то дикое.

Волк Тени прижался к земле, шерсть стояла дыбом до самых ушей. Из глотки шёл почти человеческий вой ужаса, как в каком-то кошмаре.

А за стеной что-то всё скрежетало, хрустело и...

Твою мать.

... булькало.

Я прислушался. Станный звук, вовсе не человеческий. Слишком низкий. Как будто кто-то жевал сырые кости, запивая кровью.

— Макс, что...

— К срубам! — заорал я Лане, которая выскочила следом.

— Прикрой детей!

— Поняла! — крикнула она в ответ и исчезла в темноте.

Из-за угла выскочил Дамир. Парень был в одних штанах, но уже с коротким мечом.

Я обошёл сарай и поднёс нож к треснувшей стене.

Трещина шла от земли до самого верха. Из щели сочился тёмный дым. Пахло какой-то гнилью. Чем-то мёртвым, что слишком долго лежало под дождём.

Заглянул внутрь.

Морана там больше не было.

То есть тело его было. Те же лохмотья чёрной одежды и спутанная борода.

Но двигалось это тело как сломанная кукла.

Голова резко дёргалась — влево, вправо, влево, вправо, снова влево, словно её кто-то дёргал.

Руки висели под неестественными углами, локти выгнулись не в ту сторону. Ноги хрустели суставами и мелко-мелко переступали.

Глаза погасли. Совсем. Вместо зрачков на меня уставились мутные белые шарики. Как у мёртвой рыбы.

Жуть.

Рот был раскрыт — из горла шёл тот самый булькающий вой. Так не воет зверь и не кричит птица — это было что-то среднее между хрипом утопленника и противным скре-

жетом стали.

Не знаю почему, возможно из прошлой жизни, но в голове всплыло одно слово.

Вурдалак. Так я про себя и окрестил эту дрянь.

В Моране был Сухой. Друид боялся остаться без Тадиуса. Видимо, Сухой внутри него питался именно этим страхом — превратил его в живой труп.

Я отступил на шаг. Вовремя.

Стена рухнула.

Тварь вырвалась наружу быстрее, чем я ожидал.

Вурдалак споткнулся в обломках, но тут же выпрямился и метнулся вбок. К людям.

Волк Дамира перехватил его.

Зверь бросился наперерез и вцепился твари в ногу. Острые клыки прошли сквозь серую кожу. Вурдалак пронзительно завизжал — звук впился в уши и остался там, как гвоздь по стеклу.

Тварь ударила волка рукой. Удар получился сильнее, чем должен быть у такого тела. Зверя отбросило метра на три — он перекатился по траве, взвизгнул и врезался в стену сарая.

Дамир выхватил меч и рубанул по плечу. Лезвие вошло в плоть и застряло — мясо стало вязким. Парень дёрнул и выдрал клинок — на лезвии остались клочья тёмной кожи. Вурдалак просто проигнорировал удар — ему было плевать на железо. Но волк уже вцепился в другую ногу, и тварь споткнулась.

Я подбежал с горящим ножом.

Сразу рубанул по шее — туда, где должна была проходить сонная артерия. Мясо зашипело, как сало на сковородке. Запахло тухлой рыбой. Вурдалак отдёргнулся и завизжал ещё пронзительнее.

Дамир зашёл с другой стороны. Его волк держал тварь за ногу, не давая сдвинуться с места.

— ДА СДОХНИ! — парень с яростью рубил мечом по рукам.

Вурдалак дёрнулся всем телом и вырвал ногу из волчьей пасти. Развернулся ко мне — мёртвые глаза уставились прямо в лицо — и прыгнул. Я увернулся в последний момент. Тварь пролетела мимо и врезалась в поленницу Стёпы. Сухие берёзовые поленья посыпались на землю.

И Живой взревел.

Тем самым рёвом, который он показал мне сегодня.

Вурдалак замер. Он застыл, как сломанная кукла, но всего на полсекунды. Руки повисли, ноги подогнулись. Потом снова задёргался и завизжал.

Но именно в этот момент позади твари показался Раннер. Он стоял с абсолютно безразличным лицом. Рядом с ним уже пылал Инферно.

Лев открыл пасть и яркое пламя ударило в вурдалака.

Я отступил, прикрывая лицо рукой.

Жар обжёг кожу даже на расстоянии. Тварь вспыхнула, как промасленная тряпка, завизжала в последний раз и на-

чала гореть. Огонь пожирал серое мясо, которое плавилось и стекало на землю чёрными каплями.

Моран сгорел вместе с Сухим — они были одним целым, я это понял, когда пламя пожрало обоих одновременно.

Весь бой занял каких-то пару мгновений.

Через пять секунд на траве осталось только выжженное пятно диаметром в два метра. Трава выгорела до корней, земля почернела. Воняло серой.

Раннер стоял и смотрел на пятно, не мигая. Лицо всё ещё было спокойным, почти отрешённым. С его приглушёнными эмоциями всегда так было.

Волк Дамира лежал на боку у обломков стены и тяжело дышал. Из пасти капала кровь, по серой шерсти расплзлось мокрое пятно.

— Боже, что у вас тут... — к нам выбежала Лина, увидела волка. — Дамир! Что случилось?

Лисица ткнулась в бок волка, зелёная искра пробежала по рыжему меху. Рана оказалась не критичной — рассечение по рёбрам, крови много, но кость целая.

— Я такую тварь... — голос Дамир чуть дрожал. — Макс? Я такую тварь не видел никогда, это что? Это и есть Сухие?

Он присел рядом со своим зверем и положил руку на большую голову. Лицо у парня было бледное, руки дрожали. Но держался. Не ныл, не паниковал. Для первого раза с Сухим — хорошо.

— Да. Возможно Вурдалак...

Лана стояла у первого сруба с обнажённым мечом и загроживала вход. Ника рядом с ней держала за загривок Шовчика — пёс рычал и порывался в бой. Из срубов выглядывали жители деревни. Какой-то ребёнок тихо плакал.

— Какой ещё к чёрту Вурдалак, — ошарашенно прошептал Дамир. — Откуда тебе знать?

Я не ответил.

Деревня затихла. Только выжженная трава потрескивала, да ветер шелестел в ветках Древа Жизни.

Я стоял над чёрным пятном и именно в этот момент понял, что ошибся.

Какого чёрта не решил это вчера? Вчера вечером я видел, как Живой зарычал на Григора. Не на Григора, на Морана! У волка сработал его навык, Чувство Скрытого, а я по ошибке списал это на... На что? На то, что он бывший друид?

Да, Григор спрятал Морана в сарае, и я не проверил его, потому что был озабочен сотнями других вопросов.

А пока откладывал на завтра — тварь обратилась в вурдалака. Она могла добраться до детей.

Хороший урок. Напомнил мне о том, что на самом деле важно. Что я не могу тащить всё в одиночку.

Я активировал Нюх маны и уставился на выжженное пятно.

Тёмная энергия ещё висела в воздухе — еле заметный шлейф, который таял на глазах. Фиолетовые искорки, не больше пылинок. Я попытался зацепиться за них, но Шлейф

рассеялся за несколько секунд. Исчез полностью.

И это прямо над свежим трупом Сухого, в момент его смерти. А что будет на расстоянии? В городе, в толпе, среди сотни разных магических следов? Ничего не увижу. Может, генералы фонят сильнее? Они мощнее, энергии в них больше. Может, нет. Проверить пока негде.

На мелких Сухих Нюх маны почти бесполезен. Ладно, рано делать выводы, может всё развеялось при смерти.

И что делать с теми людьми, в которых попали эти твари? Убивать? Так генералы попадут в иное тело. Стоит признать, что все мои силы сейчас бесполезны, потому что противниками стали невинные люди. Чёрт...

Ладно, в любом случае, есть Живой. Единственный инструмент, который уже работает на мелких тварях.

Я посмотрел на волка. Он стоял рядом со мной и спокойно обнюхивал воздух над пятном.

Его способность работала с первого дня. Просто неточно. Нужна практика. Нужны ещё заражённые, на которых можно калибровать чутьё и охотиться.

Звучало паршиво, но другого способа натренировать волка я не видел.

Григор прибежал, когда всё уже кончилось. Босой, в растёгнутой рубашке, с топором в руке. Увидел выжженное пятно и остановился как вкопанный.

— Моран был Сухим, Григор. А ты спрятал его от меня в сарае. Помнишь, я говорил, что Сухие вылетали из генера-

лов прямо в момент закрытия Раскола? Судя по всему, один из них попал в Морана.

Я ждал, что он скажет. Даже приготовился к каким-то обвинениям.

Но отшельник молчал. Он долго стоял и смотрел на чёрную проплешину в траве.

Потом тихо сказал:

— Ты был прав.

Просто констатировал факт.

Я мог сказать «я же тебя предупреждал». Но не стал.

Великан развернулся и ушёл к самой границе зелёного ареала Древа. Встал спиной к деревне и застыл. Я был уверен, что эта большая фигура на фоне тёмного леса простоит там до рассвета, но трогать не стал. Пусть переваривает.

Утром он пришёл ко мне сам. Глаза были красные от бессонной ночи.

— Я подвёл тебя и всех остальных, — сказал прямо. — Скажи, что делать — сделаю. Но советовать больше не буду. Не прощу себя за то, что чуть не случилось.

Григор без советов — это как Ирма без ворчания. Но сейчас спорить бесполезно. Пусть отойдёт от шока, сам вернётся к нормальному состоянию.

— Ладно, — сказал я. — Мне жаль, что всё так закончилось. Отдохни, Григор. Всё нормально.

Он ушёл к себе в барак. Я прикинул — сколько ему понадобится времени? Неделя, может, две. Григор крепкий, обя-

зательно переварит.

Деревня проснулась в совершенно другом настроении.

Вчера вечером была приятная суэта, расселение новых людей, обычная житейская беготня.

А сегодня утром всё население поглядывало на пятно. Дети жались к матерям и шёпотом что-то спрашивали. Мужчины-Жнецы сбились в кучку у пятого сруба и переговаривались, косясь на Григора.

Ирма стояла у походной кухни и варила похлёбку — так она справлялась с бедами. Когда всё плохо — корми людей горячей едой. Впрочем, она всегда вела себя так, будто ничего страшного не произошло.

Настроение нужно менять. Успокоить толпу. Толкать речи я так и не научился, люди всегда были для меня сложнее зверей. Но деваться некуда.

После завтрака я собрал всех у Древа Жизни.

Население деревни собралось полукругом на утопанной земле. Они смотрели на меня и ждали объяснений. В глазах читались вопросы, страх и растерянность. Живой сидел рядом с моей ногой.

Стая расположилась за спиной — Карц лежал справа, Актриса сидела на нижней ветке Древа, Старик ворчал и отказался вылезать из ядра. Афина лежала поодаль и лениво наблюдала одним глазом. Красавчик сидел у меня на плече.

Ирма стояла сбоку, чуть поодаль ото всех остальных. Все были здесь.

— Значит так, — начал я. — Кто видел, что произошло ночью?

Несколько рук поднялось. Михась — мужик из второй группы, бывший плотник с руками как лопаты — шагнул вперёд.

— Я видел. Выбежал на шум. Тварь уже горела. Это был Моран?

— Был. Теперь он мёртв.

— То есть он превратился? — спросила Тамара. Жена одного из звероловов Григора. — Это Сухие?

— Да, внутри Морана сидело семя. Мелкий Сухой — вроде паразита. Похоже, прорастал всё это время, или несколько недель. Мы не знаем, как много мелким нужно времени. Но этой ночью он созрел и вылез.

— Ну и как так вышло, а? — переспросил седобородый Мастер. — Расскажи нам всё!

Я рассказал. Четыре генерала Сухих сидят внутри обычных людей где-то на континенте. Каждый через какое-то время сможет рассеивать семена — мелких тварей, которые цепляются к слабым и испуганным.

Кто-то из женщин всхлипнул. Мужчина в заднем ряду выругался.

— Подождите, — сказал кто-то из толпы, чьего имени я ещё не знал. — То есть любой из нас может носить такое внутри?

— Может.

— И как узнать?

Я положил руку на голову Живому. Волк поднял морду и посмотрел на толпу.

— Вот как. Живой чувствует заражённых.

— А если твой волк ошибётся? Не увидит Сухого? — спросила Тамара.

— Послушайте, их не видят даже Альфы. Так что, да, и мой зверь может ошибиться. Он молодой, неопытный. Но другого способа у нас нет.

Все переваривали услышанное. Потом из задних рядов раздался голос Власа — кожевника, который пришёл в деревню одним из первых.

— Ну охренеть. Значит, мы переехали в дерьмо! Безопасно тут, да? Новый дом. Только переселились — и тут же тварь в сарае. Для чего тогда всё это было?

Люди зашумели. Несколько голосов поддержали.

Григор шагнул вперёд.

— Моран — это моя вина. Я привёл его с собой. Люди, опомнитесь, он жил с нами ещё до переселения. Видимо, семя попало в него в пути, когда шли через зону. Или раньше — после того как закрылся Раскол.

Отшельник сглотнул.

— Это не деревня виновата. Я.

Все молчали. Инферно у валуна заворчал — передавал негодование Раннера. Влас открыл рот и закрыл обратно.

— Григор, все мы тебя уважаем, — подал голос супруг

Тамары. — Ты скажи. Ты обещаешь, что этого больше не повторится? А ты, Макс? Здесь дети!

— Мы обещаем, что сделаем всё возможно, — пробасил великан.

— Григор прав, — поддержал я. — Моран — отдельный случай. А теперь подумайте вот о чём. Сухой проник в деревню — и что? Мы убили его за минуту. Никого не потеряли. Живой почуял заразу, Инферно сжёг тварь. Дамир со своим волком держали вурдалака.

Я кивнул на стаю за спиной.

— Хорошо подумайте, кто охраняет эту деревню, и какие люди здесь собрались. У вас тут даже оборотень.

Лана хмыкнула, но я не обратил внимания и продолжил:

— Ирма, которая вылечит травами болезнь, Лина с её лищицей Жизни. Мирана, которая вскоре выстроит стены. А теперь представьте — было бы так в обычной деревушке Железного Королевства?

Влас покачал головой.

— Там бы утром уже трупы считали.

— Именно. Здесь — самое безопасное место на континенте. Потому что здесь — мы.

Кто-то хмыкнул, но возражать не стал.

— С сегодняшнего дня правила станут ещё жёстче. Новички и пленные, если такие будут — две недели живут отдельно, под постоянным караулом. Мирана, нам нужно здание для этого, выделяю тебе Старика, и это твой приоритет

на ближайшее время. Стёпка — помогаешь во всём. Так, что ещё. Ночью — двойной пост. Любой, кто заметил странное поведение человека, докладывает сразу. Каждый, кто входит в ареал, проходит проверку Живым. Каждый кто выходит — тоже! Вообще без исключений. Всегда! Даже вернувшиеся патрульные или охотники. Каждый раз! Хоть я, хоть Ирма, хоть Григор.

— А мы? — спросил Ефрем. — Те, кто уже здесь? Вдруг ещё в ком-то Сухой?

— Хорошо. Все проверимся. Прямо здесь и сейчас.

Я повернулся к Живому. Через связь послал мыслеобраз — проверяй. Каждого обнюхать!

— Начнём с меня, — сказал я и присел перед волком.

— Это смешно, — вставила Мирана. — Если в тебе Сухой, вся деревня погибнет.

— Тем больше причин сделать это. Люди не осознают, что в них попало. Так что проверим.

Живой обнюхал меня и отвернулся.

— Лана.

Пантера протянула руку. Живой обнюхал.

— Ирма.

Бабка подошла и фыркнула.

— Вот ещё, чтобы меня собака нюхала, — проворчала она, но руку протянула. Живой ткнулся носом.

— Мирана.

— Дамир. Лина. Майра.

— Раннер. Ника.

Живой обнюхивал каждого.

Всё население прошло перед волком. Влас чуть помялся, но подошёл. Тамара присела на корточки и дала Живому обнюхать лицо.

Ульяна — женщина с ребёнком на руках — подошла последней. Малыш смотрел на волка круглыми глазами.

— Его тоже? — тихо спросила она.

— Его тоже.

Живой обнюхал малыша. Ребёнок засмеялся и схватил волка за ухо. Живой терпеливо подождал, пока Ульяна высвободит ухо, и отвернулся.

Волк не зарычал ни на кого.

Я выдохнул. Честно — до последнего момента не был уверен. Тридцать человек, и каждый мог носить в себе семя, как Моран. Пронесло. Хотя... если семя совсем мелкое и едва зацепилось? Учужал бы Живой? Я не знал, но благоразумно оставил свои мысли при себе.

— Все чистые, — сказал я. — Но проверка будет каждый день. Каждое утро Живой обходит деревню. Привыкайте.

— Ага! — Тамара подалась вперёд. — А как нам самим распознать, если Живого рядом нет?

— Никак. Никто и нигде не может это сделать. Поймите, наш мир ещё не встречался ни с чем подобным. Нужно время, чтобы изучить их.

— А если... — начала Ульяна и осеклась. Прижала малы-

ша крепче.

— Говори.

— Если Сухие захватят целый город?

Я помолчал. Вопрос был правильный.

— Вот поэтому нам и нужно строить свою собственную деревню, которая не будет подчиняться правилам Короны.

Ульяна кивнула.

Ирма дождалась, пока все разойдутся. Подошла и тихо сказала:

— Бабу с ребёнком, Ульяну, ко мне отправь. У неё руки трясутся. Травами отпою.

Я кивнул.

К вечеру деревня затихла необычно рано. Ирма раздала всем горячую похлёбку с мясом и травами.

Я привычно сидел с Ланой у костра и смотрел на пляшущие язычки пламени.

— Слишком надолго мы тут зависли, — сказал наконец.

— Я общался с Альфами через связь, расспрашивал их про Сухих.

— И что?

— Ничего. Нашли только Тень. Он с ними.

Лана поправила поленья в костре.

— А разведчики, которых ты разослал?

— Скоро вернутся. Может что и обнаружится — уже месяц прошёл.

Лана долго молчала, глядя на огонь.

— Единственный толковый результат за весь месяц я получил случайно, — продолжил я с горечью. — Живой зарычал на Морана, а я принял это за обычную звериную неприязнь. Отложил разбирательство на завтра. А ночью увидел, что его рёв влияет на Сухих.

Лана повернулась ко мне.

— Сколько таких заражённых сейчас бродит среди обычных людей?

Я молчал. Она озвучила именно те мысли, которые грызли меня всю последнюю неделю.

— Ждать больше нельзя, — сказала Лана решительно. — Нужно выходить за пределы ареала и активно искать, учиться, Макс. Пока семена ещё маленькие и с ними можно справиться. Я понимаю, ты был занят деревней, стаей, но, мне кажется, время настало.

Я кивнул. Нужно пробовать применять Нюх маны, тренировка волка, заниматься стаей. А ещё нужно как-то предупредить людей, а значит — выйти на контакт хотя бы с Драконоборцем. Впрочем, диалог мог пойти как угодно. Я создавал своё поселение, ареал безопасности, у которого хватало трудностей. Но его преимущество — сила. Люди всегда завидуют силе и успеху, делятся на два лагеря и строят козни. Зависть перед неизвестной силой может толкнуть на необдуманные поступки. Что ж, если что-то пойдёт не так — придётся давить.

— Да, ты права, Лана. Скоро начнём. Нужно пару дней

подождать.

— Почему? — удивилась пантера.

Я махнул рукой в сторону Афины.

— По-моему скоро нас ждёт пополнение.

Глава 3

Месяц назад...

В то утро Борис проснулся и понял, что впервые за три года у него ничего не болит.

Спина перестала ныть. Колени хрустеть. Поясница, которая последние два года просыпалась раньше хозяина и напоминала о себе болью — молчала. Борис лежал на соломенном тюфяке и смотрел в потолок.

Марта спала рядом, повернувшись спиной. За стенкой тихо посапывал Алёшка. Кашель у младшего уже очень долго не проходил, а лекаря в Черноложье не было. Да и что лекарь, если денег тоже не было. Людей, у которых можно попросить в их деревушке, отродясь не водилось.

Борис каждое утро прислушивался к дыханию сына — тише сегодня или громче? Сегодня потише. Уже хорошо. Он действительно переживал за мальчика.

Отец семейства встал и потянулся руками аж до потолка. Тело чувствовало себя так, будто ему двадцать, а не сорок. Вчера весь день ворочал камни на дальнем поле, должен был еле встать. И хоть бы хны.

Может, зерновуха помогла? Бабка Лукерья давала настойку для суставов на прошлой неделе. Похоже, сработало. Мужик хмыкнул, натянул рубаху и вышел во двор.

Черноложье просыпалось. Дворов двести, может чуть

больше — кто же их считал. Деревня лежала в низине между двумя холмами. Утренний туман ещё стелился по огородам.

Петухи уже орали.

Сосед Прохор выгонял свою тощую корову на выпас. У неё даже рёбра торчат. Не любил засранец свою скотину. Впрочем, у всех тут коровы сейчас такие. Третий неурожай подряд. Но у Прохора и в лучшие времена ничего не менялось.

Борис зашёл в сарай и посмотрел на мешки — зерна всего на месяц. Может, на полтора, если экономить. Картошки возшло всего половина — проволочник добрался до клубней раньше, чем они дали ростки. Проклятые черви проедали ходы насквозь — сгнившие клубни оставалось только выкопать и выбросить. Репа стояла дохлая, а морковь вообще не возшла.

И неважно было крестьянину на то, что Раскол закрыт. Не до того.

Он стоял и смотрел на мешки. Считал, хватит или нет? До весны или нет? Настюха растёт, ест за двоих. Егор уже за троих, парню пятнадцать, кости тянутся. Алёшка ест мало, но ему нужно молоко, а корова даёт литр в день, и тот какой-то жидкий.

Страх голода жил в Борисе столько, сколько он себя помнил. Отец голодал. И дед голодал. Все по весне голодали, когда запасы кончаются и до нового урожая ещё два месяца.

Бывало. Часто бывало.

Но почему-то именно сегодня утром страх молчал. Борис посмотрел на мешки и не почувствовал привычной тошноты от подсчётов. Зерна мало? Ха, ну и ладно. Разберёмся. Он пожал плечами и пошёл к колодцу.

Марта вынесла на крыльцо завтрак. Привычная каша на воде, ложка масла и кусок хлеба. Борис сел, взял ложку и поднёс ко рту.

Каша пахла неправильно.

Он замер и понюхал. Испортилась что ли? Да нет, обычная пшённая каша. Марта варила такую каждое утро. Но сегодня запах вызвал лёгкую тошноту.

— Чего застыл? — спросила жена.

— Да нет, ничего. Каша что-то... горшок чистый был?

— Чистый, — Марта посмотрела на него. — Тот же горшок, что всегда.

Борис заставил себя съесть три ложки. Четвёртую не смог — желудок поднялся к горлу. Отставил миску.

— Похоже, я не голодный, — сказал он. — Потом доем.

Марта промолчала — лишь цыкнула, забрала миску и ушла в дом.

На рынке в Черноложье — если можно назвать рынком три ряда прилавков — Борис купил у Прохора кусок солонины. Вернулся домой, отрезал ломоть и начал есть. Мясо было жёстким, с прожилками жира.

Ох, как было вкусно! По-настоящему вкусно — так, что по подбородку потекла слюна. Борис даже не сразу это заме-

тил. Вытер рукой и отрезал ещё кусок.

За один присест он съел слишком много. Марта стояла в дверях и смотрела на него с недоумением.

— Ты же говорил — не голодный.

— На кашу не голодный. А мяса охота.

— Ты понимаешь, сколько ты съел, Боря? Мы же на неделю столько покупаем.

— Ну... куплю ещё. Работаю много, телу мясо нужно.

— На что ты купишь? — Марта всплеснула руками, но Борис лишь отмахнулся от неё.

Днём он работал на дальнем поле. Ворочал камни, которые вылезли за зиму и таскал их на межу. Старший сын Егор помогал. Он всегда мало говорил и много работал. Борис это ценил.

— Батя, ты сегодня как бешеный, — сказал парень к полудню. — Мы за утро больше сделали, чем за прошлую неделю.

Борис остановился и посмотрел на кучу камней, которую натаскал. Штук сорок, некоторые были особо тяжёлыми. Уже должен был устать, а всё равно чувствовал себя как утром.

— Выспался хорошо, — сказал Борис. — Давно так не высыпался.

Это была правда. Спал как убитый. Раньше вечно крутился — то спина, то мысли о зерне, то Алёшка кашляет. А тут... просто лёг и провалился.

На обратном пути с поля Борис шёл мимо Черноложен-

ского кладбища. Старое и разросшееся, оно стояло на невысоком холме за деревней. Кресты криво торчали из земли, как зубы у какого-нибудь старика. Ограда почти сгнила, дыры были заткнуты ветками.

Могильщик Трофим сидел у ворот на лавке и ковырял палкой в зубах.

— Здорово, Трофим, — сказал Борис.

— Здорово, Борька. Чего мимо идёшь?

— Дык как обычно, с поля домой. А ты чего сидишь?

— А чего мне делать? Пока никто не помер — сижу. Жду.

Борис хмыкнул. Трофим работал могильщиком тридцать лет. Дети любили трепаться, что он разговаривает с мертвецами.

— Слушай, Трофим, — Борис остановился. — От тебя чем-то пахнет. Мясом, что ли?

Старик посмотрел на него с удивлением.

— Мясом? Я с утра репу ел. Какое мясо?

— Да нет, не едой. Просто запах такой. Приятный.

— Приятный? — Трофим почесал затылок. — Ха-ха, с кладбища, может? Ты чего это?

— Ну да, — Борис хохотнул и пошёл дальше. — Наверное с кладбища.

Шёл ли запах от Трофима или от кладбища за его спиной Борис не разобрал. Но пахло приятно. Непонятно почему.

Вечером глава семейства сидел на крыльце и смотрел, как Настя играет с Алёшкой во дворе. Дочке было двенадцать

лет. Тощая, с косой до пояса, она таскала младшего на спине. Алёшка смеялся, цепляясь за шею и кашляя между приступами смеха.

Борис смотрел на них и внезапно понял, что все его тревоги постепенно отступают. Как будто привернули фитиль у лампы.

Жена вышла на крыльцо и села рядом. Он взял её за руку, и они молча посидели. Марта положила голову ему на плечо. Потом Борис обнял жену и уткнулся носом ей в волосы. Пахло свежим хлебом и очень родным запахом.

— Ты сегодня другой какой-то, — тихо сказала Марта.

— Какой — другой?

— Спокойный. Обычно к вечеру ворчишь, что спина болит да колени ноют. А сегодня нет.

— Выспался, — повторил Борис.

Марта промолчала.

Заснул он очень быстро, и никаких снов не снилось.

А на третий день каша вызвала рвоту.

Борис еле успел выбежать во двор. Согнулся у забора и выблевал три ложки пшёнки, которые Марта уговорила его проглотить.

— Боря! — Марта выбежала следом. — Да что с тобой?

— Живот. Каша прокисла, наверное.

— Каша свежая! Я утром варила.

— Ну... значит я что-то не то съел вчера!

Марта хмурилась и смотрела на мужа. Борис выпрямился,

вытер рот и улыбнулся.

— Да ладно тебе. Бывает. Живот у мужика схватило — чего переполошилась?

Она кивнула, но глаза остались тревожными.

С того дня Борис совсем перестал есть варёное. Утром и днем съедал кусок солонины или вяленого мяса. Вечером Марта ставила на стол горячее, Борис пододвигал миску Егору или Насте, а сам жевал мясо, не заботясь о том, что через месяц у семьи начнутся плохие времена. Марта стала готовить ему отдельно — тонко резала солонину. Раньше он предпочитал щи.

— Организм сам знает, чего хочет, — говорил Борис, когда Марта поднимала бровь. — Телу мясо нужно. Работаю много. Нормально это.

Он по-настоящему верил в это. Люди в деревне всегда так говорили! Тянет на солёное? Значит соли не хватает. Тянет на мясо — значит мясо нужно! Ничего странного.

Марта видела всё иначе, но молчала. Просто потому что привыкла доверять мужу и знала, что он всё сделает как надо.

В конце первой недели Борис пошёл к Прохору за мясом. Сосед забил барана ко дню рождения дочери — во дворе висела туша, её кровь стекала в деревянное корыто. Борис подошёл, поздоровался и попросил отрезать кусок задней ноги. В долг.

Прохор резал и разговаривал о погоде, о ценах на зерно и о

том, что Барон Красногорский опять повысил подати. Борис кивал и слушал.

Но смотрел только на корыто с кровью.

Рот наполняла горячая обильная слюна. Прохор не заметил.

— Держи, — сосед протянул мясо, завёрнутое в тряпку.
— С тебя два медяка.

— Спасибо. Отдам.

Дома мужик развернул тряпку и стоял целую минуту, глядя на кусок сырой баранины. М-м-м-м. Красное мясо, белый жир по краю.

Поднёс к лицу и вдохнул. Во рту стало мокро.

Он откусил и принялся медленно, смакуя, жевать. Проглотил и откусил ещё. Кровь потекла по подбородку, но он совсем не замечал этого. Жевал и бездумно смотрел в стену.

В этот момент на кухню зашла Настя. Увидев отца, замерла в дверях.

— Бать? Ты чего сырое ешь?

Борис вздрогнул и посмотрел на дочь. Затем перевёл взгляд на кровавое мясо в руке.

— Солонина же. Засоленное.

— Это баранина, бать! Она свежая.

— Ну... как скажешь. Захотелось просто. Вкусная.

Настя смотрела на него широко открытыми глазами. Так же, как начала смотреть на мужа Марта.

— Ладно, — сказала она и ушла.

Борис положил мясо на стол и вытер пальцы о штаны. Он никогда раньше не ел сырое мясо. А тут — само полезло. И ведь вкусно было, вкуснее любой каши или щей!

А это не странно? Хотя, организм же знает лучше? Работаю много. Нормально. Ещё как нормально!

Он вымыл руки и пошёл к Алёшке — младший лежал на лавке и кашлял в кулак. Борис сел рядом и положил ладонь сыну на лоб.

— Батя, — прошептал Алёшка. — Живот болит.

— Ничего, малой. Пройдёт. Давай-ка я тебе молока принесу.

Алёшка выпил полкружки и заснул. Отец сидел рядом и слушал его дыхание. Грудь мальчика неровно поднималась и опускалась.

Борис боялся этого дыхания. Боялся, что однажды оно остановится.

Вторая неделя началась с бессонницы.

Борис лежал на тюфяке и смотрел в потолок. Марта крепко спала рядом.

Спать не хотелось. Вообще. Тело всё ещё было бодрым, хотя он лёг час назад. Что-то тянуло его встать, выйти из дома и подышать. Мужик нервничал. Лежал и уговаривал себя — СПИ! Глаза закрой и СПИ!

Утром работать. СПИ!

И через полчаса всё равно тихо встал. Лишь бы не разбудить Марту. Натянул сапоги и вышел во двор.

Ночь стояла тёплая. Борис стоял на крыльце и дышал. Воздух неожиданно пах тем самым запахом, который он учуял у кладбища от Трофима. Пахло оттуда — с холма, от крестов.

Да откуда там мясо? Любопытно.

Борис постоял, подышал, вернулся в дом и наконец-то уснул.

Утром Алёшка встал сам, попросил каши и съел полную миску. Кашлял мало. Марта обрадовалась — обняла сына, поцеловала в макушку. Борис смотрел на них и улыбался.

— Видишь, — сказал он. — Проходит. Говорил же!

На рынке Борис столкнулся с кумом Степаном. Тот покупал соль у старухи в крайнем ряду.

— Борька! Ну ты и здоров стал, брат. Я вчера видел, как ты камни на ворочал — таскал как пёрышко!

— Да ну, — Борис отмахнулся. — Обычные камни.

— Обычные? Прошлой осенью мы втроём один такой еле стащили, а ты его один, говорят, понёс. Чего ешь такого?

— А? Мясо ем. От Прохора, хорошее.

Степан засмеялся и хлопнул кума по плечу. Борис хлопнул в ответ — кум охнул и потёр плечо.

— Полегче, медведь. Руки у тебя стали — как кувалды.

Борис посмотрел на свои руки. Да обычные, вроде. Мозоли, грязь под ногтями. Ну может, чуть крупнее. Или так показалось.

Вечером Марта поставила перед ним миску щей. Борис

покачал головой.

— Мяса дай. Того, что от Прохора осталось.

— Борис! — жена назвала его полным именем, потому что всегда так делала, когда ей что-то не нравилось. — Ты уже четвёртый день щи не ешь. Что с тобой?!

— Ничего со мной! Щей не хочу, мяса хочу. Что тут непонятного?

Голос вышел резче, чем он хотел. Марта замолчала. Настя с тревогой посмотрела на отца из-за стола. Егор продолжал есть, не поднимая головы.

Борис спохватился, встал, подошёл к жене и обнял сзади.

— Прости. Ну не хочу я щи, Марта. Живот крутит от горячего. Дай мне мясо, и всё ладно будет.

Жена достала солонину. Борис ел молча. Марта же замерла — просто стояла у печки и смотрела ему в спину.

Ночью он снова лежал без сна. Наружу тянуло ещё сильнее. Он лежал и сопротивлялся. Это было похоже на то, как терпишь чесотку от комариного укуса — можно, но зудит.

В эту ночь воздух снова пах тем самым — с кладбищенского холма. Борису почему-то было спокойно, когда он знал, что этот запах рядом. Как будто он пришёл куда нужно.

Утром Алёшка вообще не кашлял.

Родители радовались. Настя кормила младшего с ложки. Алёшка ел — его щёки впервые за месяц порозовели.

— Что-то помогает, — сказала Марта. — Может, настоя-

ка.

— Лукерья? Может и так, — сказал Борис.

Он вообще не думал о настойке. Думал о том, как хорошо спалось после ночи. И как утром Алёшке стало лучше.

На пятый день второй недели Борис сорвался на Егора.

Сын уронил ведро с водой на крыльце — ведро загремело, вода разлилась. Ерунда, бывает. Раньше Борис сказал бы «подотри» и пошёл дальше. Сейчас он развернулся и рывкнул:

— Руки кривые? Ведро держать не можешь?!

Шагнул к сыну и замахнулся.

Что? Когда это?..

Рука висела в воздухе — Борис смотрел на неё и сам не понимал, зачем поднял.

Егор стоял и смотрел на отца снизу вверх. В глазах парня Борис увидел то, чего раньше никогда не видел.

Настоящий страх. Сын испугался.

Борис опустил руку и отступил на шаг:

— Прости. Прости, сын. Иди. Подотри и иди.

— Ты чего, бать... — Егор подобрал ведро, покачал головой и ушёл.

А мужик стоял на крыльце и смотрел на свою ладонь, которая вдруг задрожала. Он никогда не поднимал руку на детей. Отец бил его — Борис поклялся, что не будет. Уже пятнадцать лет держал клятву, а сейчас замахнулся из-за какого-то ведра!

Что-то не так, — подумал Борис. Мысль мелькнула и

ушла. Нервы. Бывает. Всё от нервов.

Вечером обнял сына и извинился ещё раз. Но за столом Егор сел подальше от отца.

Борис заметил это и мысленно выдохнул. Что ж, заслужил.

А ночью глава семейства вновь вышел на крыльцо, но на этот раз ноги понесли его дальше — через двор, мимо сарая, по тропинке. Он просто шёл.

Остановился у кладбищенской ограды, поглядывая на кресты. Луна освещала холм.

М-м-м-м! Какой-то запах!

Что я тут делаю? Посреди ночи, у кладбища? Марта проснётся, и что я скажу?

Он покачал головой, развернулся и пошёл домой.

Утром Алёшка бегал по двору и смеялся. Кашля снова не было. Марта стояла у крыльца и улыбалась.

— Ему лучше. Намного лучше. Господи, ему лучше. Боря, как же хорошо!

Борис смотрел на сына и тоже улыбался — сын выздоравливал.

Чёрная земля под ногтями не привлекла его внимания. Он крестьянин. У него всю жизнь земля под ногтями.

А вот Марта заметила. Посмотрела на его руки, когда он тянулся за хлебом. Земля была другая — не рыжая, как с огорода, а чёрная, жирная.

Марта знала эту землю — хоронила свекровь два года на-

зад, сама кидала горсть в могилу.

— Боря... — сказала она осторожно. — А чего у тебя руки такие грязные?

— А когда они у меня чистые были? — муж искренне засмеялся. — Я пахарь, Марта. У меня руки с пятнадцати лет в земле.

Марта посмотрела на Бориса внимательнее. Смех искренний, глаза всё такие же ясные и живые. Но что-то было не так.

Она отвернулась к печке — руки почему-то затряслись.

Третья неделя началась с того, что Борис совсем перестал спать по ночам.

Просто не хотел. Ложился рядом с женой, закрывал глаза и лежал целый час. Сон не шёл.

Иногда, очнувшись утром на крыльце, он понимал, что не помнил несколько часов. Вместо памяти оставалась пустота.

Странные какие-то сны. Всё-таки спал он, не мог не спать! Иначе как объяснить, что вот он стоит у ограды кладбища, а вот лежит в кровати. Откуда-то же это взялось в его голове?

Слышал, что люди ходят во сне, — думал Борис. — Бывает. Надо к Лукерье за травяным сбором.

Каждое утро после таких ночей руки были грязные. Чёрная земля забивалась между пальцами.

— Чёртова работа, — ругался Борис, мыл руки у колодца и долго тёр. Земля не отмывалась.

А Алёшке после таких ночей становилось лучше.

Борис не связывал одно с другим. Просто радовался за сына.

Марта начала что-то подозревать. Смотрела утром на грязные руки мужа, потом на здорового Алёшку.

В один из дней соседка зашла за солью. Они посидели на лавке, как всегда, поболтали. Обычные разговоры — кто что посадил, чья корова отелилась. Потом соседка понизила голос.

— Марта, а что с Борисом? Он чего такой стал здоровый? Рубаха на нём чуть не лопается. И ест он... Прохор говорит, Борис за неделю мяса в долг взял уйму.

— Работает много. Аппетит хороший.

— Да? — она не поверила. — А спит хорошо?

Марта промолчала. Соседка обернулась перед уходом:

— Ты если что — заходи. Поговорить. Мало ли, что, да?

Марта кивнула и закрыла дверь. Прислонилась спиной и закрыла глаза.

Трофим пришёл на кладбище на рассвете, как делал каждое утро последние тридцать лет.

Он знал дорогу наизусть: от дома на краю деревни, мимо огорода Прохора, через луг, где по утрам паслись козы вдовы Матрёны, да на холм.

Кладбище было его домом и работой. Он ходил между крестов, знал каждую могилу и каждый холмик.

Поэтому сразу заметил неладное.

Могила деда Архипа была разрыта.

Трофим остановился как вкопанный.

Земля была разбросана широким кругом, как будто какой зверь Земли поработал. Соседние могилы усеяли чёрные комья. Из ямы торчал гроб...

Крышку сдвинули набок.

Могильщик медленно подошёл к краю и заглянул в яму.

В нос сразу же ударил тошнотворный запах. Но не из тех, к которым привык Трофим. Трупы пахли иначе, этот запах был... свежий.

Могильщик отшатнулся. Сел на ближайший надгробный камень и снял шапку дрожащими руками.

Тело деда Архипа лежало в разломанном гробу. То, что от него осталось.

Лицо, руки и грудь... всё было обглодано до кости. На рёбрах поплёскивали следы крупных зубов.

Трофим вытер выступивший на лбу пот рукавом.

За тридцать лет на кладбище он повидал всякое. И дикие звери рыли могилы, и гробы всплывали после ливней... Да и тело как-то пришлось раз выкапывать, потому что вдова решила, что её муж похоронен заживо...

Но такое?!

Нет, такого Трофим не видел никогда.

Кто мог такое сделать с покойником? Нет, ЧТО могло сотворить такое? Волки в эти края не заходили. Собаки гроб не вскроют. А следы вокруг ямы...

Трофим присел на корточки и присмотрелся к отпечаткам. Широкие, вроде с когтями.

Могильщик встал, натянул шапку на уши и размеренным шагом пошёл в деревню. Он пытался игнорировать, как всё внутри орало бежать отсюда прочь.

Через час переполошилась вся деревня.

Глава 4

Утро началось с тренировки.

Я вывел Живого за границу ареала ещё до рассвета — Карц шёл рядом, прижимаясь к земле. Актрису держал в ядре на подстраховке.

Живой нюхал воздух и вёл вперёд. После эволюции волк стал заметно увереннее — шёл впереди на десять шагов, останавливался, ждал мой мыслеобраз и двигался дальше. Раньше путался, лез напролом, игнорировал меня, а сейчас считывал намерения быстрее. Всего один образ — обойди слева — и Живой обходил. Второй — стой, слушай — и волк замирал на месте, наострив уши.

Но упрямство никуда не делось.

На втором часе волк учуял что-то у ручья и рванул туда, плевав на мой приказ. Я выругался и побежал следом. Карц обогнал меня и перехватил Живого у воды — встал поперёк тропы и зашипел. Живой затормозил, посмотрел на Карца, потом на меня, и через связь от волка пришло обиженное ворчание — мол, я же чуял, там добыча, какого чёрта вы оба лезете.

— Когда я говорю стой — ты стоишь, — жёстко и коротко сказал я.

Живой фыркнул и сел, уши торчали вперёд. Подчинился, но по морде было видно — остался при своём мнении.

Молодой зверь. Инстинкты тянут в одну сторону, связь — в другую. Это нормально, через месяц-два притрётся. Главное — не ломать. Сломанный волк бесполезен, послушный из страха — ещё хуже. Мне нужен напарник, который думает сам, но слушает, когда надо. Самое сложное в работе с хищником — найти этот баланс между волей зверя и волей хозяина. Сколько бы я не занимался зверьми — ни разу не встретил одинаковых характеров.

Мы отработали связку — Карц загоняет, Живой перехватывает. У ручья нашли болотного кота, тварь стихии воды размером с крупного пса. С широкой мордой и гладкой шкурой, зверь сидел на камне у воды и следил за рыбой.

Карц обошёл слева и выпустил жар — кот его почуял и метнулся вправо, прямо на Живого. Волк загородил путь и зарычал. Кот зашипел, растопылив перепончатые лапы — от шкуры несло тиной.

— Рёв, — сказал я и послал мыслеобраз.

Живой раскрыл пасть и заревел — утробный звук, от которого даже трава легла.

Кот зашипел сильнее и попятился, прижимаясь к камням. Но пятился только от волка — Рёв тут был ни при чём. Я видел разницу. Когда Рёв парализовал вурдалака той ночью, тело твари застыло — полсекунды полной неподвижности. Здесь такого не было. Кот пятился, шипел и двигался нормально.

Чёрт. На обычных тварях Рёв не работал. Значит, дело не

в магии как таковой, а в её источнике. Сухие — порождения Раскола, ведомые единой волей. Вурдалак был нежитью, поднятой силой Сухих. Болотный кот — порождение народа беглецов. Получается, новый навык волка парализует только сущность Сухих. Это делало Живого идеальным детектором, но бесполезным против обычных хищников. Ни один из его навыков не подходил для прямой битвы.

Я махнул Карцу, тот убрал жар, кот метнулся к ручью и исчез в воде. На поверхности остались круги.

Живой посмотрел на меня и скульнул — зачем отпустили?

— Затем. Сегодня мы просто кое-что проверяли. Пошли домой.

Волк фыркнул — ему было плевать на мои теории, он хотел догнать кота.

На обратном пути мы прошли мимо южного прохода к деревне, где Мирана работала с утра. Она прижала ладони к скальному выступу, глаза закрыты, по лицу стекал пот. Старик сидел рядом — росомаха уплотнял породу гравитацией, пока Мирана формировала блоки.

Работа шла медленно. На один блок у Мираны уходило минут двадцать — вытянуть камень из породы, сформировать, передать Старика на спрессовку. За утро они выложили два ряда — полметра в высоту и четыре метра в длину.

Мирана пошатнулась, и Старик подставил бок — похоже они неплохо сработались. Впрочем, мой зверь тут же зары-

чал и подался назад, словно не ожидал от себя подобной слабости.

— Может, хватит на сегодня? — спросил я.

— Ещё ряд, — она вытерла пот со лба. — Если камень остынет, завтра придётся разогревать заново.

— Ты еле стоишь. Ряд подождёт до утра.

Мирана хотела возразить, но посмотрела на свои трясущиеся руки и промолчала. Убрала ладони от скалы и опустилась на землю, привалившись спиной к своей рыси.

Я стоял и прикидывал.

К нашей деревне два прохода — южный и восточный. На каждый нужна стена метров двадцать в длину, два в высоту. Такими темпами — месяц на один проход, два на оба. Если Мирана раньше не свалится. Может, стоит делать комбинацию — каменное основание от Мираны, деревянный часток-кол сверху от Дамира. Надо обсудить с обоими, но Мирана сегодня выглядела так, будто её выжали и повесили сушиться. Завтра поговорю.

Я вернулся в деревню. У кухни Ирма раздавала утреннюю кашу — дети Жнецов сидели в ряд на бревне и ели из мисок. Красавчик тёрся у ног Ирмы, и бабка делала вид что не замечает, хотя миска с ягодами стояла подозрительно близко к краю стола.

Ника возилась у лазарета, раскладывала травы для просушки, Шовчик привычно лежал рядом. Ирма каждое утро гоняла девчонку с травами, и Ника впитывала как губка.

У третьего сруба стояла чужая лошадь. Худая и явно загнанная — бока в пене. Дамир поил её из ведра.

— Это чья? — спросил я.

— Разведчик вернулся, — парень с тревогой посмотрел на меня. — Тот молодой, из первой пятёрки. Пришёл полчаса назад, загнал коня чуть не насмерть. Сидит у Древа. Макс, похоже там что-то важное.

Я пошёл к Древу и ускорил шаг. Мы отправили их с месяц назад — в ближайшие населённые пункты, слушать и смотреть. Я каждый день думал о них — вернутся ли, что найдут, не нарвутся ли на что-нибудь. Неужели началось?

Коля сидел у корней Древа и жевал хлеб, который ему сушила Ирма. Рубаха в пыли, сапоги стёрты. Увидел меня и попытался встать — я положил руку ему на плечо и усадил обратно.

— Сиди. Ешь. Рад, что вернулся.

Парень кивнул и откусил хлеба. Руки подрагивали — то ли от усталости, то ли от чего-то другого. Я сел рядом на корень и подождал, пока он прожует.

— На дорогах беспокойно, Макс. Патрули появились. Стражу в крупных селениях удвоили, а ещё на каждой развилке застава, проверяют каждого. Раньше махнут рукой и иди, а сейчас допрашивают — кто такой, откуда, куда идёшь, что в мешке. Я два раза чуть не попался — пришлось врать что иду к родне в Рубежное.

Ага, засуетился Аларих, указания раздал, видимо. Любо-

пытно.

— Что-то ещё слышал?

— Бароны нервничают. После арены всё перевернулось — никто не понимает, что случилось, но все чувствуют, что мир поехал. В таверне у развилки мужики рассказывали — Барон Красногорский удвоил гарнизон в замке и забрал половину стражи с дорог. В другой деревне слышал, что Король Аларих стягивает войска к столице. Зачем — никто не знает. Слухи разные — кто говорит война будет, кто говорит мятеж... А всё потому что людей на дорогах стало гораздо больше. Раскола-то всё! Нет! И никто не знает, что это ты, ха-ха. Представляешь? Там уже столько версий... Слышал, какая-то гильдия Звероловов из Драконьего Камня слухи пускает, что это именно они закрыли. В общем, торговцев стало больше везде, зверей видят всё реже и уже начали в зону заходить.

Вот тебе и закрыл Раскол... Хотят захватить зону и вырезать зверей? Этого точно нельзя допустить. Надеюсь, что всё не так, как кажется.

— Ладно, понял. Но почему ты вернулся?

Коля проглотил хлеб и тяжело выдохнул.

— Ох, Макс, не знаю, то ли это, о чём ты говорил... — он на секунду замер, затем кивнул. — В общем, я вышел на восточный тракт, дошёл до развилки у Гнилого ручья. Оттуда на север — до Рубежного, это деревня такая, домов сто. Остановился на постоялом дворе, назвался бродячим охот-

ником. Два дня там пробыл, разговаривал с людьми, слушал. Обычная деревня — пашня, скотина, кузнец, трактир. Ничего особенного.

— Тогда зачем об этом говорить? И почему лошадь загнал? Рассказывай.

Парень замялся. Отложил хлеб и потёр шею.

— Потом я пошёл в лес. Было кое-что. Местные жаловались — кто-то повадился жрать дичь прямо в лесу. Три оленьих туши за последнюю неделю нашли. И якобы странно там всё. Я попросился посмотреть, они отвели.

— И?

— Мясо сожрано подчистую, Макс. Даже потроха. Кости раздроблены. Шкуры пустые валяются, будто из них всё вынули. Но самое паршивое — следы зубов на рёбрах.

Он посмотрел на меня и облизнул сухие губы.

— Я Зверолов может и молодой, но жизнь повидал. Хотя... Кто знает, наверное, ошибаюсь, тяжело в такое поверить. Но следы мне показались... какими-то слишком крупными для волка или медведя. И форма со-о-о-овсем другая. Как будто кто-то с очень сильными челюстями грыз эти рёбра. Кто-то... — он запнулся и посмотрел мне в глаза. — Местные говорят — какой-то мол зверь стихии Земли. Но клянусь своим огненным барсуком, следы похожи на человеческие. Как так, Макс? Я не знаю, связано это с этими Сухими или нет. Но мне стало не по себе, и я решил вернуться и доложить. Поэтому загнал коня.

Парень смотрел на меня и ждал.

— Правильно сделал, что вернулся, — сказал я. — И что не полез проверять сам. Молодец.

Коля выдохнул. Видимо, два дня гнал коня и думал — не зря ли поднял панику, не осмеёт ли его вожак за то, что сбежал от обглоданных оленей.

— Иди поешь нормально. Ирма даст горячего. Потом ото-спись. Завтра поговорим подробнее — нарисуешь мне доро-гу, покажешь, где деревня и где туши нашли.

Он кивнул, подобрал хлеб и пошёл к кухне. Я смотрел ему вслед.

Три туши за неделю, значит... И следы зубов, похожие на человеческие.

Совпадение это или нет, но всё же первая зацепка. Если в Рубежном сидит Сухой — значит проросло семя генерала? Или это сам генерал? Нет, генерал не стал бы так явно да-вать о себе знать. А вдруг просто какой-то псих решил жрать сырое мясо? Ну не настолько же, чтоб в лесу, да с шерстью. Надо ехать и проверять. И ехать придётся с Живым — вол-ку нужна практика на живом Сухом, а не на болотном коте, который плевать хотел на Рёв.

Но сегодня ехать не получится. Хорст на подходе, Афина уже два дня лежит у Древа без движения. Уехать сейчас — значит пропустить роды, корабль и чёрт знает что ещё. Ру-бежное подождёт пару дней.

Корабль появился к полудню.

Хорст стоял на носу — чёрная борода развевалась, и капитан орал на команду, которая спускала мешки по трапу. Борт сидел низко — привёз много. Жнецы, под командованием Григора, побежали к берегу помогать с разгрузкой.

Она заняла два часа. Хорст привёз кучу всего: мешки с гвоздями, верёвки, грубую ткань, бочонок соли. Барут постарался. Тут же было несколько мечей и копий. Несколько мешков муки и бочонок масла — вовремя.

Вечером я заплатил капитану и сел рядом с ним у костра. Он жевал вяленое мясо и рассказывал.

— Барут передал — ближайшие два месяца помочь не сможет. Дела на юге, рынки трясутся чего-то там на Юге, торговцы нервничают. Барут вкладывается во что-то крупное, денег нет. Этот товар — последний. Дальше пока без него.

— Понял. Как там на волнах?

— Хреново, — Хорст оторвал зубами кусок мяса. — Моряки у меня крестятся перед каждым рейсом и плюют за борт. Слухи ходят — странные вещи творятся. Не на Юге, а у вас тут — в Железном. А в целом-то нормально, но мы народ суеверный, сам понимаешь.

Я кивнул.

— Рейс тяжёлый был?

Хорст поморщился.

— Ничего такого, с чем бы не справился.

— Хорст, — сказал я. — Сейчас рейсов больше нет. По-

сколько жалование я выплатил, а корабли — мои, то у нас два варианта. Либо вы можете остаться в деревне, но на моих условиях, либо отправиться туда, куда захотите.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Туда, где эти ваши Сухие? Нет, Макс, у вас тут неплохо выходит. Да и мы поможем, чай не безрукие.

— Что ж, тогда слушай...

Я рассказал обо всех правилах деревни, включая то, что Григор назначен старостой и слушаться его нужно беспрекословно.

Хорст почесал бороду и посмотрел на меня...

— Ну что ж, пожалуй, можно и остаться.

И улыбнулся...

— Договорились.

Капитан кивнул и ушёл — вымотался после рейса.

Команда рядом — это хорошо. Да, у моряков всегда были проблемы с поведением, но не в моей деревне — Дамир и Григор любого поставят на место. Зато корабли — это потенциальный путь отступления, торговые возможности, связь с Югом. В общем — одни преимущества.

После ужина я собрал пятерых Жнецов-звероловов у костра. Вторая пятёрка разведчиков — тех, кого я отбирал последнюю неделю. Четверо мужиков и одна женщина, все с питомцами и каким-никаким опытом охоты. Не лучшие бойцы — лучшие нужны здесь, на обороне. Но толковые, внимательные, с цепким глазом.

Они сидели полукругом и с опаской поглядывали на мою стаю, расположившуюся полукругом возле вожака.

— Значит так, — начал я. — Вы идёте в четыре стороны. Двое — на восток, к Драконьему Камню. Двое — на север, к Железнограду. Один — на запад, по поселениям и деревням.

— Чего искать? — спросил Ефрем, седобородый зверолов из первой группы Григора. Старик вызвался сам — говорил, что засиделся.

— Странности, — сказал я. — Люди, которые изменились. Вообще любые изменения, это важно! Слухи собирайте. Может от кого звери шарахаются — собаки скулят, лошади не даются. Может, болезни где начались или люди пропадают. Пока что лучших ориентиров у нас нет.

— А если найдём? — спросила Тамара, жена одного из звероловов.

— Сами — не лезьте! Вы — разведка, и информация сейчас важнее всего, — я посмотрел на каждого по очереди. — Ни при каких обстоятельствах. Запоминаете, где, кто, разворачиваетесь и возвращаетесь сюда. Понятно?

— Ну наконец-то какое-то дело, — проскрипел Ефрем. — А то в той деревне ну совсем от скуки плохо было.

Они закивали.

— Ещё, — добавил я. — Слушайте слухи. В тавернах, на рынках, у колодцев. Где бабы стирают и болтают — там больше всего правды. Если в деревне кто-то умер странно — это то, что я ищу.

Я поговорил с каждым отдельно — объяснил маршрут, дал ориентиры, обсудил, где останавливаться и как прикинуться обычным бродячим охотником. Ефрем слушал спокойно, кивал — старый зверолов знал дорогу лучше меня. Тамара задавала вопросы, но все толковые, по делу. Молодой парень, которого я отправил к Железнограду, нервничал и переспрашивал. Повторил ему дважды и заставил пересказать маршрут. Пересказал правильно. Справится.

Утром они уйдут. Ещё пятеро на целый континент — я понимал, насколько это мало. Но десять разведчиков уже лучше, чем пять. А двадцать будет лучше, чем десять. Выдал им монет и скомандовал Стёпке собрать в дорогу.

В этот же вечер случилось ещё кое-что.

Солнце уже садилось, когда Афина начала рожать.

Я узнал первым — через связь от тигрицы пришёл давящий мыслеобраз.

Она забилась в тень Древа — подальше ото всех — ещё с утра. Вся деревня ждала этого момента — и он, наконец-то, наступил.

Сейчас Афина лежала на боку, полосатый бок ходил ходуном, дыхание стало частым и тяжёлым.

— Ирма! — крикнул я.

Ирма уже шла к Древу. Сухая старуха чуть не бежала — подол юбки задрала, в руке тряпки, лицо сосредоточенное. Я видел по её глазам — бабка волновалась. За месяц она каждый день щупала Афине бока, ворчала и считала дни. Что

бы она ни говорила, но привязалась к тигрице ещё с их первой встречи и теперь переживала, и от переживания забыла главное.

— Ирма, — негромко сказал я. — Стой. Резко нельзя!

Бабка не послушала. С ней такое бывало — когда дело касалось близких, она переставала слышать кого бы то ни было. Подошла к Афине на три шага и присела на корточки, протянув руку к полосатому боку.

Афина рявкнула.

Тигрица развернулась с такой быстротой, что у меня похолодело в животе. Выпустила когти и раскрыла пасть. Лапа мелькнула в воздухе. Ирма отдёрнула руку в последний момент — когти прошли в сантиметре от пальцев. Бабка отлетела назад и села в траву.

— Ах ты ж курва полосатая! — прошипела Ирма, потирая запястье. — Я тебе помогаю, дура!

Афина рычала, прижав уши к голове, и смотрела на Ирму мутными глазами. Не считать это было невозможно — самая настоящая угроза. Рожаящая тигрица не видела вокруг себя друзей. Любое существо ближе трёх шагов — враг.

— Назад все, — сказал я. — Лина, Ирма, стойте рядом, но чуть позади и к ней не суйтесь. Остальные — назад!

Карц лёг в двадцати шагах и положил морду на лапы, но глаза не закрывал — смотрел на Афину, кончик хвоста нервно подрагивал. Старик ушёл в камень. Актриса спустилась с верхней ветки на нижнюю и свесилась вниз, вытянув шею.

Живой сел рядом со мной и тихо заскулил — от него шло беспокойство.

Стёпа стоял поодаль и переминался с ноги на ногу — копейщик без страха крошил тварей на арене, а от рожаящей тигрицы побледнел. Дамир просто встал и не двигался. Раннер сидел на излюбленном валуне и смотрел ровным взглядом. Инферно рядом тревожно ворчал, гораздо громче обычного — лев передавал нам эмоции хозяина.

Лана подошла и встала рядом со мной.

— Ты справишься, — она на секунду стиснула мне запястье и отпустила.

Я кивнул и пошёл к Афине. Медленно, шаг за шагом, ладони раскрыл, взгляд отвёл в сторону — нельзя смотреть хищнику в глаза, когда он в таком состоянии. Тигрица оскалилась и зарычала.

Остановился в двух шагах и присел на корточки.

Послал несколько мыслеобразов. Мои руки, которые лечили её. Сражение с Радонежем.

Тигрица замерла — рычание стало тише. Жёлтые глаза мигнули — муть на секунду отступила, и из-под неё проглянуло узнавание.

Вожак. Свой.

Я сел рядом и положил ладонь ей на голову. Афина мелко тряслась всем телом и хрипло дышала.

Я гладил её по голове и тихо прошептал:

— Ну-у, всё хорошо. Я рядом и никуда не уйду.

Но она всё дышала и дышала.

Я осторожно коснулся живота Афины. И отдёрнул руку, как от ожога, потому что почувствовал то, ЧТО в ней.

Кожа под моей ладонью была ледяной, но это был магический, стихийный холод, который пробирал до костей.

Чёрт, да в ней же тигрята разных стихий! И пробудились они только сейчас, во время родов!

Афина жалобно завывала. Она смотрела на меня с болью и непониманием. Её собственное тело стало для неё чужим.

Живот начал подрагивать. Изнутри послышался глухой гул. Шерсть покрылась инеем, а в следующий миг сквозь этот иней проступили тонкие огненные трещины.

Афина взывала от боли. Её тело разрывало изнутри.

Вн...м...ие! Зафи...кс...рована стих...ная аном...л...я!

Я даже не осознал, что Спектр впервые за столько время откликнулся. А когда осознал — понял, что ситуация очень серьёзная.

— Мы должны их вытащить! — крикнула Ирма. — Немедленно!

В этот момент через пакт до меня донёсся мыслеобраз Режиссёра. Я увидел две крошечных искры, огненную и воздушную, которые бешено вращались в темноте.

Я лихорадочно думал, пытаюсь понять, что сделать.

— Если ничего не делать, она всё равно умрёт, Макс! — закричала Ирма.

— Да дай ты мне секунду! — рявкнул я в ответ.

Но бабка была права.

Патовая ситуация. Неразрешимая задача.

Я мог рискнуть и попытаться провести операцию, спровоцировав всплеск двух стихий Альф, который мог убить всех вокруг и, скорее всего, саму Афины.

Или просто стоять и смотреть, как стихийный конфликт разрывает мою тигрицу изнутри, превращая её в ледяную статую, покрытую огненными венами.

— Макс! — послышался крик Стёпки.

Чёрт. Думай-думай-думай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.